

Сведения об авторе

Барышников Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: vbaryshnikov@mail.ru.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ФИНЛЯНДСКО-ГЕРМАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В МАЕ 1940 Г. ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДВУХ СТРАН

Резюме

Экономические контакты и достигнутые договоренности в германо-финляндском сотрудничестве являются очень хорошим барометром, который может показать, когда в 1940-1941 гг. руководство двух стран двинулось на встречу друг другу, предопределив, тем самым, будущую перспективу совместной войны против СССР.

Определяющими в этом смысле оказались немецко-финляндские переговоры, которые состоялись 5 мая 1940 г. Германскую делегацию на них возглавлял Карл Шнурре, а финскую – премьер-министр Р. Рюти. Эти переговоры носили крайне скрытый характер и до сих пор в научный оборот не введен весь комплекс документов, который бы полностью раскрыл характер прошедших тогда переговоров. Тем не менее, из дневниковых записей Р. Рюти становится понятным тот круг вопросов, который тогда обсуждался. Также становится понятным, что Финляндия уже была готова возобновить и даже усилить внешнеторговые операции с Германией. Одним из существенных итогов этого визита являлось и то, что он тогда говорил о возможности переориентации Финляндии в вопросе поставок в Германию стратегически важного для немецкой военной промышленности петсаамского никеля. Более того, контакты Шнурре с Рюти открыли возможность начать затем новый раунд торговых переговоров, которые увенчались подписанием 29 июня 1940 г. важнейшего германо-финляндского торгового договора. В итоге достигнутые тогда соглашения не могли не оказывать соответствующего влияния на последующее осуществление всей внешней политики Финляндии.

Таким образом, переговоры Шнурре-Рюти оказались реальным первым шагом в общем сближении двух государств и можно утверждать, что число 5 мая 1940 года оказалось роковым для Финляндии с точки зрения будущего ее участия в новой войне против СССР.

Ключевые слова: Финляндия, Германия, Р. Рюти, К. Шнурре, финляндско-германские экономические переговоры.

V. Baryshnikov

Information about author

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of Modern and Contemporary History, Institute of History, St-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: vbaryshnikov@mail.ru.

TO A QUESTION ON THE ROLE OF THE FINNISH-GERMAN ECONOMIC TALKS IN MAY 1940 FOR THE FORMATION OF POLITICAL AND MILITARY COOPERATION BETWEEN THE TWO COUNTRIES

Abstract

Economic contacts and agreements reached in the German-Finnish cooperation are a very good barometer that can show when from 1940 to 1941 leaders of the two countries moved towards each other and predetermined, thus, the future prospect of a joint war against the USSR.

Determinative in this sense were German-Finnish talks, which took place on May 5, 1940. German delegation was headed by Karl Schnurre and Finnish – by Prime Minister Risto Ruti. These negotiations were extremely confidential and into scientific use are still not introduced the whole complex of documents that would reveal their nature. Nevertheless, from the diary of R. Ruti becomes clear a range of issues, which is then discussed. It also becomes clear that Finland was ready to renew and even strengthen foreign trade with Germany. One significant outcome of this visit was a possible reorientation of Finland in importing to Germany of the nickel of Petsamo – strategically important for German war industry. Moreover, contacts between Schnurre and Ruti then opened the way to a new round of trade negotiations, which culminated in the signing on June 29, 1940 of the most important German-Finnish trade agreement. As a result the agreement reached then influenced thereafter on the entire foreign policy of Finland.

Thus, negotiations Schnurre – Ruti have become a real first step in rapprochement of two states, and it can be argued that the date May 5, 1940 proved fatal for Finland in terms of its future participation in the new war against the USSR.

Keywords: Finland, Germany, R. Ruti, K. Schnurre, Finnish-German economic talks.

В современных исследованиях, посвященных проблеме вступления Финляндии во Вторую мировую войну, достаточно подробно останавливаются на вопросах военно-политического характера, которые предшествовали началу в июне 1941 г. боевых действий финской армии против Советского Союза¹. Тем не менее, четкого представления о том, когда, собственно, руководство Финляндии приступило к практическим действиям, направленным на развитие германо-финляндского сближения, пока до сих пор нет. В финской научно-исследовательской литературе данный процесс выглядит в целом в форме поступательной череды принимаемых решений, которые во многом выражались даже не в политических соглашениях, а в достигаемых в 1940–1941 гг. договоренностях на чисто военном уровне.

Однако, очевидно, что многие военные решения, принимавшиеся в Финляндии, все же опирались на фундамент различных форм германо-финляндского сотрудничества. В этом плане, как представляется, экономические контакты и достигнутые затем договоренности являются очень хорошим барометром, который мог показать, когда собственно руководство Финляндии и Третьего рейха четко двинулись навстречу друг другу, предопределив, тем самым, будущую перспективу совместной войны против СССР.

В результате, если обратиться именно к финляндско-германскому экономическому сотрудничеству в период т.н. «перемирия», то, очевидно, следует учитывать, что в предшествовавший отрезок времени экономические показатели участия Финляндии в «зимней войне» оказались весьма обнадеживающими. Наиболее известный сейчас финский историк-экономист профессор Э. Пихкела прямо заметил, что Финляндией «из-за отсутствия экономических проблем зимняя война велась непринужденно» [12, с. 89]. Этот результат был во многом следствием того, что страна в данный период получала из-за рубежа достаточно массивную экономическую помощь. Кроме того, экономически достаточно грамотно была организована подготовка к войне против СССР, что выра-

зилось в своевременной, быстрой и весьма эффективной общей мобилизации внутренних ресурсов.

Однако все эти итоговые результаты отнюдь не могли гарантировать стабильного и поступательного экономического развития страны в дальнейшем. Более того, путь внутреннего максимального регулирования государством экономических процессов и широкомасштабное расширение военного производства за счет гражданских отраслей не гарантировал, что в случае продолжения войны финская экономика сможет, без массивированной помощи извне, выдержать и избежать полного своего краха.

В любом случае, несомненно, что здесь, как и в период «зимней войны», для Финляндии продолжали играть важную роль поставки товаров из-за рубежа. Это в Хельсинки хорошо понимали. Однако, прежние партнеры Финляндии, которые в войне против СССР активно стремились ей оказать экономическую помощь, уже утрачивали свое бывшее значение. Было заметно, что Англия, которая ранее занимала весьма видное место во внешнеэкономических контактах с Финляндией, постепенно стала терять свои прежние позиции.

Что же касается военного сотрудничества, то и здесь во взглядах финского руководства к весне 1940 г. тоже уже произошли серьезные перемены. По наблюдениям, в частности, из германского представительства в Хельсинки, финское руководство тогда было явно разочаровано действиями в ходе «зимней войны» стран Запада, поскольку они «не сумели оказать решительной помощи финской армии» [6]. Действительно, сложившаяся ситуация требовала для финляндского руководства определения новых для себя дипломатических ориентиров. И здесь, как считалось, «военные достижения Германии явились значимыми, с учетом будущего европейского континента» [13, s. 106].

Неслучайно поэтому уже именно весной 1940 г. в Хельсинки стала четко просматриваться определенная прогерманская переориентация. Она наиболее заметно начала проявляться, прежде всего, собственно в экономической сфере. Как заметил по данному поводу профессор М. Йокипии, уже тогда «Финляндия, используя торговлю, стремилась оказаться в германском фарватере» [5, s. 57]. Фактически здесь начался процесс восстановления прежних финско-германских отношений. Буквально через два дня после подписания Московского мирного договора финский министр иностранных дел В. Таннер прямо заявил немецкому посланнику В. Блюхеру о желательности восстановления прежних именно тор-

говых отношений [3, s. 90]. Более того, из Хельсинки в Третий рейх явно начали поступать намеки на перспективу усиления, прежде всего, межгосударственного военно-технического сотрудничества. В частности, тогда уже последовали запросы о возможности получения трофейного оружия, захваченного немецкими войсками в соседней Норвегии [3, s. 80, 107]. Таким образом, Финляндия стала подавать в Берлин определенные сигналы, из которых там могли почувствовать перспективу изменения Финляндией своих недавних внешнеполитических приоритетов.

Причем Берлин подобные тенденции в политике Финляндии, естественно, вполне устраивали. Как отметил крупнейший немецкий специалист в области истории Финляндии XX-го века, историк, профессор М. Менгер, в Германии тогда «перспективные задачи сводились к тому, чтобы максимально открыть экономические ресурсы Финляндии для нацистской военной промышленности» [10, s. 71]. Поэтому, как известно из внешнеполитических документов Третьего рейха, уже 28 марта 1940 г. на совещании в Берлине, прошедшем в формате представителей министерств иностранных дел и экономики, было решено срочно направить для начала переговоров по экономическим вопросам в Финляндию специальную делегацию во главе с Карлом Шнурре. Планировалось, что эти переговоры должны были пройти 8 апреля [2, p. 34]. Особое значение при этом для германской военной промышленности тогда, безусловно, имел никель, добывавшийся в Петсамо. Там в то время находилось до 70 процентов разведанных никелевых ресурсов Западной Европы. Однако концессия на разработку этих месторождений принадлежала Англии и германское руководство явно начала обдумывать пути установления здесь соответствующего своего контроля.

В целом, задачу поездки в Хельсинки сам К. Шнурре формулировал так: «...Вести переговоры с финнами не только относительно немедленного заключения соответствующей программы поставок жизненно важного для Германии финского сырья, но и использование этой программы для последующих переговоров с целью расширения экономических связей» [2, p. 33]. Более того, речь должна была вестись и о возможности налаживания прямых военных поставок в Финляндию. Причем, как отмечалось, германо-финляндское торговое соглашение «должно было быть заключено в кратчайшие сроки с тем, чтобы упредить подобные договоренности Финляндии со стороны России и западных держав» [2, p. 32].

Эти опасения были отнюдь не беспочвенными. В канун готовившегося официального визита немецкой внешнеэкономической делегации в

Хельсинки, 7 апреля 1940 г., из Лондона также стали выяснять перспективы усиления торгового сотрудничества двух стран. Однако реального развития все эти действия не получили. Уже 9 апреля Германия развернула боевые действия в Скандинавии, «перерезав, - по мнению финского историка М. Йокипии, – последнюю морскую коммуникацию, связывавшую Англию с Финляндией через Петрамо» [5, s. 53]. В результате, 18 апреля Великобритания официально заявила о прекращении ею всех торговых операций в Северной Европе до полного окончания боевых действий в Норвегии [5, s. 109]. Это, естественно, серьезно ограничивало внешнеторговые возможности Великобритании и данное обстоятельство можно считать переломным с точки зрения определения последующих внешне экономических и политических приоритетов Финляндии.

С другой стороны, достигнутые германскими войсками военные успехи в Скандинавии, сразу отразились и на немецкой политике. Берлин решил теперь не спешить с началом экономических переговоров. Очевидно, что это было прежде всего связано с тем, что Германия выжидала более благоприятной международной обстановки для проведения этих переговоров, а также хотела их осуществить только с первыми лицами Финляндии, что требовало специальной подготовки. Как отметил историк-экономист Илкка Сеппинен, «встреча Шнурре с Рюти считалась центральным моментом в ходе всего визита» [11, s. 18]. В результате в Берлине полагали, очевидно, что при встрече с финским премьер-министром можно будет выяснить общие позиции Финляндии на перспективы будущего сотрудничества двух стран.

В таких условиях 5 мая 1940 г. германская делегация, наконец, прибыла в Хельсинки и переговоры состоялись. По своей сути они носили крайне скрытый характер. Это видно даже из того, что до сих пор в ряде работ финских историков существует путаница относительно времени их проведения. Так, в частности, весьма известный и уважаемый финский военный историк Х. Сеппяля в своей известной книге «Финляндия как агрессор 1941 г.» пишет, «посол Германии, К. Шнурре, посетил в конце апреля 1940 г. премьер-министра Р. Рюти и сообщил, что немцы заинтересованы в финской никелевой руде» [14, s. 39]. Эту же неверную дату еще раньше назвал в своей работе, посвященной политике Финляндии в 1940–1941 гг., и исследователь Х. Яланти [4, s. 110]. Характерно, что и в самом обстоятельном труде профессора М. Йокипии, раскрывающем финско-германские связи в 1940–1941 гг., вообще не нашлось места не только для раскрытия сути данного визита, но даже для его упоминания

[5, s. 56–57]. Вместе с тем именно тогда, впервые с начала Второй мировой войны, официальная германская делегация провела весьма ответственные переговоры с премьер-министром Финляндии.

Безусловно, что состоявшаяся встреча имела принципиальное значение для налаживания немецко-финского сотрудничества. Причем в ходе этих переговоров Германия явно стремилась уточнить внешнеполитическую ориентацию финляндского руководства. Тем не менее, как заметил в конце 1980-х гг. профессор М. Менгер, «хотя записи о проведенных тайных переговорах с Рюти недоступны, нельзя сомневаться в том, что во время их в обтекаемой форме обсуждались немецкие интересы» [10, s. 72].

Действительно, до сих пор в научный оборот не введен весь комплекс документов, касающийся визита Карла Шнурре в Хельсинки и его переговоров с премьер-министром страны Р. Рюти. Тем не менее, уже сейчас в Финляндии были изданы дневники финского премьера, которые могут отчасти прояснить круг вопросов, обсуждавшихся с германским представителем. При этом в скупых фразах, которые содержатся в записях, совершенно неясен масштаб прошедших тогда переговоров.

Из пометок, которые сделал финский премьер, понятно, что Рюти обсуждал со Шнурре проблемы не только немецкой торговли с Финляндией, но торговли с другими странами. Речь шла об ее транзитной торговле, через территорию Германии с рядом европейских государств, а также Америкой. Из этих записей также понятно, что у немецкого представителя «в отношении транзита возражений не было» [7, s. 24]. Что же касается собственно реанимации финско-германских экономических отношений, то из опубликованных сведений ясно лишь, что здесь относительно «старых соглашений», подписанных двумя сторонами, особых возражений тоже не существует и они в дальнейшем «будут выполнены». Также из скупых строк дневниковых записей понятно, что сами внешнеэкономические операции будут осуществляться в формате клиринговой торговли [7, s. 24–25].

Тем не менее, очевидно, что данная встреча носила более серьезный характер, чем может это показаться на первый взгляд. Об этом свидетельствует тот факт, что Рюти сразу же после нее провел еще консультации сначала с военным министром Р. Вальденом, а затем с министром иностранных дел Р. Виттингом. В обоих случаях явно обсуждались вопросы, которых до этого финский премьер-министр, очевидно, уже касался на встрече с К. Шнурре. В частности, он затронул вопрос о том, «сколько можно получить вооружения через транзитную торговлю с Венгрией,

Италией и Бельгией» [7, s. 25]. Именно эти страны, как раз упоминались до этого на переговорах с германским представителем, когда они касались транзитной торговли. Также с министром иностранных дел Рюти затронул еще и тему Петсамо, где интересовался перспективами расширения торгово-транспортных возможностей, соединяющих этот экономический район с Норвегией [7, s. 26], занятой немецкими войсками. Очевидно, что это тоже было не случайно.

Более того у финского премьер-министра в тот же день – 5 мая состоялась еще одна встреча с немецким дипломатом. Она, очевидно, носила уже неофициальный характер, поскольку в дневнике есть лишь крайне лаконичная запись: «В 11 часов Шнурре у меня дома» [7, s. 26]. Это не исключало, естественно, продолжения начатых переговоров. В любом случае по косвенным данным понятно, что именно вопросы, связанные с поставками оружия, стали для Рюти в ходе них центральными. Так конкретно считает финский военный историк Х. Сеппяля. Он пишет, что уже тогда явно «финны выразили желание начать закупки в Германии оружия и других военных материалов». Но далее исследователь уже отметил, что Шнурре, по его мнению, «дал половинчатое обещания», которым в Хельсинки были тогда «не удовлетворены» [7, s. 40].

Какие взаимные интересы, однако, были тогда у финляндского и германского руководства? Об этом реально можно судить уже из сообщения, которое поступило по итогам этого визита лично А. Гитлеру. В нем указывалось, что Финляндия была готова возобновить внешнеторговые операции с Германией по стратегически важным поставкам ей сырья и даже усилить эти поставки. Вместе с тем было выдвинуто положение о необходимости снабжения Финляндии немецким оружием [2, s. 402]. Таким образом, изначально финское руководство рассматривало возможность использования экономического сотрудничества с рейхом, имея в виду при том именно его военные перспективы. Тем не менее, А. Гитлер решил пока поставку в Финляндию вооружения не производить [2, p. 402], проявляя в этом плане очевидную осторожность. Здесь, очевидно, как раз и могла сыграть свою роль транзитная торговля оружием.

Кроме того, одним из существенных итогов этого визита являлось то, что в ходе весьма серьезного обсуждения наметилась переориентация Финляндии в вопросе о возможности поставок в Германию стратегически важного для немецкой военной промышленности петсамского никеля. Если судить по материалам финской исследовательской литературы,

по этому вопросу «Рюти в принципе ответил согласием»². Такой поворот был весьма симптоматичным, поскольку доминирующее положение в получении финского никеля ранее занимала Великобритания. Таким образом, немецкие дипломаты получали здесь несомненную гарантию начавшейся политической переориентации Финляндии.

В конечном счете, контакты Шнурре с Рюти позволили начать уже новый раунд германо-финских торговых переговоров [15, s. 55–56]. Показательным тогда было и то, что на их фоне Германия стала пытаться влиять на позицию финляндского руководства. Именно в то время представители немецкого высшего командования на встрече с финляндским военным атташе в Берлине начали, как он доносил, «доверительно побуждать нас вооружаться так хорошо, как только можно», указывая на «военную угрозу» с Востока [18]. Иными словами, намекалось на возможность новой войны против СССР.

Завершающим же в определении значения визита Шнурре в Хельсинки, стали новые экономические переговоры. Причем еще до их начала глава финской делегации Р. Фиандт откровенно заверил В. Блюхера, что сейчас, в экономической политике Финляндия «готова весьма далеко пойти навстречу требованиям Германии» [8, s. 37, 264]. Действительно эти переговоры увенчались подписанием 29 июня уже важнейшего германо-финского торгового договора. По этому соглашению немецкая доля во внешней торговле Финляндии доросла до 40 процентов [1, с. 30]. Оценивая это соглашение, финский посланник в Берлине, подчеркнул свое особое «удовлетворение», отметив, что оно «почти удваивает объем торговли между обеими странами» [2, р. 65]. В свою очередь, и в Берлине не скрывали важности с самого начала «крепкого сплетения финской и немецкой экономики, которое полностью соответствовало требованиям индустрии» Германии [10, s. 75].

С другой стороны, на этих переговорах перед финской делегацией был поставлен и политический вопрос. Конкретно он касался перспектив будущей торговли с теми, кто считался «врагами рейха». Ответ на него оказался для немцев весьма позитивным. По словам К. Шнурре, глава финляндской делегации заявил так: «Финская внешняя торговля с вашими врагами... осуществляться не будет» [2, р. 85]. Это являлось весьма важным заявлением, которое затем еще было и письменно подтверждено [2, р. 85]. В результате подписанное германо-финское торговое соглаше-

ние теперь не могло не оказывать соответствующего влияния на дальнейшее проведение внешней политики Финляндии.

В конечном результате товарооборот между двумя странами приобрел широкий размах. Из Финляндии в Германию стала направляться в значительных размерах продукция деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Из рейха, в свою очередь, в финские порты начал поступать чугун, прокат, уголь, минеральные удобрения, хлеб [15, s. 113–114]. При этом Германия заняла в финском импорте в 1940 г. первое место, значительно ослабив тем самым позиции, как Англии, так и Швеции [9, s. 216]. Таким образом, можно полностью поддержать мнение известного финского исследователя профессора О. Вехвиляйнена, который отметил, что «уже весной 1940 года Финляндия попала в экономическом отношении в зависимость от Германии» [19, S. 86]. Здесь, несомненно, в Хельсинки уповали на предстоящую быструю победу Третьего рейха, а Германия уже в 1940 г. направила в эту страну до 400 различных видов артиллерийских орудий, 200 пулеметов, 5 тыс. пистолетов, 53 самолетов и большое количество боеприпасов [17, s. 19].

Но, признавая это, также следует заметить, что, как уже указывал профессор М. Йокипи, финская «ориентация торговых связей на Германию уже в июне 1940 г. на многие месяцы опережала улучшение взаимных политических отношений» [5, s. 57]. В данном случае именно экономическая основа стала затем той базой, на которой уже начали формироваться безусловные и нескрываемые военно-политические контакты, которые открыто проявились уже в сентябре 1940 г., когда границы Финляндии добровольно распахнулись для немецких войск. Тем не менее переговоры Шнурре-Рюти оказались реальным первым шагом в этом политическом сближении и в данном плане можно утверждать, что число 5 мая 1940 года явилось роковым для Финляндии с точки зрения будущего ее участия в новой войне против СССР.

¹См. например: [5].

²[4, s.110]. См. также:[16, S. 41].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Барышников Н.И., Барышников В.Н.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985.
2. Documents on German Foreign Policy 1918-1945. Series D. Vol. IX. London, 1956.
3. *Huttunen V.* Kansakunnan historia. Os. VII. Helsingi, 1974.
4. *Jalanti H.* Suomi puristuksessa 1940-1941. Helsingi, 1966.
5. *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Keuruu, 1987.
6. Kansallisarkisto. AA, BdS. B 19/ B 3562-3563.
7. «Käymme oma erillistä sotaamme». Risto Rytin päiväkirjat 1940-1944. Helsingi, 2006.
8. *Krosby H.* Nikkelidiplomatiaa Petsamossa 1940—1941. Helsingi, 1966.
9. *Lehtinen A.* Sotatalous. // Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919—1950. Porvoo-Helsingi, 1967.
10. *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988.
11. *Nevakivi J.* Ystävästä viholliseksi. Suomi Englannin politiikassa 1940-1941. Helsingi, 1976.
12. *Pihkala E.* Kuinka jatkosota keuhettiin taloudellisesti // Jatkosodan kujanjuoksu. Porvoo-Helsingi,-Juva, 1982.
13. *Reimaa M.* Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3-20.12.1940). Ulkopoliittisten vaihtoehtejien edessä. Keuruu. 1979.
14. *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Helsingi,-Juva, 1984.
15. *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939-1944. Helsingi, 1983.
16. *Terä M.* Tienkaarassa. Syksyn 1940 tapahtumat Barbarossa - suunnitelmat taustaa vasten. Helsingi, 1962.
17. *Tirronen E. O.* Sotatalous // Suomen sota 1941-1945. Os. XI. Helsingi, 1975.
18. Ulkoasiainministeriön arkisto. 12 L (Saksa). Донесение из Берлина, 6 мая 1940 г.
19. *Vehviläinen O.* Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta // Historiallinen Arkisto. 1983, № 80.

REFERENCES

1. Baryshnikov N. I., Baryshnikov V. N. *Finljandija vo Vtoroj mirovoj vojne [Finland in World War II]*. Leningrad, 1985.
2. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Series D. Vol. IX. London, 1956.
3. *Huttunen V.* *Kansakunnan historia*. Os. VII. Helsingi, 1974.
4. *Jalanti H.* *Suomi puristuksessa 1940–1941*. Helsingi, 1966.
5. *Jokipii M.* *Jatkosodan synty*. Keuruu, 1987.
6. Kansallisarkisto. AA, BdS. B 19/ B 3562–3563.
7. «Käymme oma erillistä sotaamme». Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. Helsingi, 2006.
8. *Krosby H.* *Nikkelidiplomatiaa Petsamossa 1940—1941*. Helsingi, 1966.
9. *Lehtinen A.* Sotatalous, in *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919–1950*. Porvoo-Helsingi, 1967.
10. *Menger M.* *Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg*. Berlin, 1988.

11. Nevakivi J. *Ystävistä viholliseksi. Suomi Englannin politiikassa 1940–1941*. Hels., 1976.
12. Pihkala E. Kuinka jatkosota kesti taloudellisesti, in *Jatkosodan kujanjuoksu*. Porvoo-Hels.,-Juva, 1982.
13. Reimaa M. *Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3-20.12.1940). Ulkopolitiittisten vaihtoehtojen edessä*. Keuruu. 1979.
14. Seppälä H. *Suomi hyökkääjänä 1941*. Porvoo-Hels.-Juva, 1984.
15. Seppinen I. *Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944*. Hels., 1983.
16. Terä M. *Tienkaarassa. Syksyn 1940 tapahtumat Barbarossa - suunnitelmat taustaa vasten*. Hels., 1962.
17. Tirronen E. O. Sotatalous, in *Suomen sota 1941–1945*. Os. XI. Hels., 1975.
18. Ulkoasiainministeriön arkisto. 12 L (Saksa). Donesenie iz Berlina, 6 maja 1940 g.
19. Vehviläinen O. Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta, in *Historiallinen Arkisto*. 1983. № 80.